

Из дневников

***

Я прорастаю
в мхи, лишайники, папоротники,
рожь, пшеницу, ячмень,
лаванду, душицу, мелиссу,
клевер, мимозу, люцерну,
кориандр, тмин, бедренец,
тюльпан, гиацинт, лилию,
землянику, сакуру, табак,
кипарис, пихту, сосну...
Тело мое – земля...

***

Груды твои, словно чаши Вакховой влаги,
Глаз отражение, будто летит на конях Фаэтона Аврора,
Волосы – дар волн Ионийских...
Мне дыхание грудь разрывает,
Сердца шум отдается в эфире свободно,
Ты близко...

***

Подари мне солнца порез –
Подари мне свет ночного окна
За которым спит у камина надежда,
За которым тени играют бал
При дворе великого герцога нежности,
Великолепный бал
Двух раненных, неприкрытых сердец...

Пусть эти плавающие силуэты
Заполнят тебя отпущенным вечером,
Когда я не буду
Рядом с тобой,
Когда исчерпается время встреч,
И заплетутся кадры будней
На пути к новым встречам,
На пути к мечте в безрассудство.

***

Вы когда-нибудь чувствовали состояние невесомости
во влаге глубоких ночных озер,
ощущение легкости в перемещениях бархатного эфира,
несущегося с берегов воздушного океана.
Вы когда-нибудь отдыхали на плоскости
рассыпного шелкового луга,
скатываясь росой с бутылочного стебля, восточным сапфиром
раскрываясь в небесной гавани.
Вы слышали, как прозрачно поет
ручей в грязном овражном логове,
когда тени леса сгущаются над головой в глухую паучью нить.
Ирреальность?
Нет, я говорю не про сон, все действительно так живет,
живет и умирает, умирает и пробуждается снова,
пробуждается снова, чтоб научиться любить.

***

Я люблю дорогу бесхозную,
и собаки взъерошенный штрих.

Меня радуют ветхие стены,
когда с них улыбается
Джотто,
и скупые мгновенья
глупого счастья,
святой тишины беспорядки.
Алкоголь для меня -дезинфекция мозга
(причастие ветру
на выходных,
разбавленное одиночеством
временным) -
ребенка раскраска,
брошенного на детской площадке.

***

дотронуться
и обжечь тебя мыслью
в холодных числах
умирающей осени...
россыпью
опрокинуть влагу небес
в алмазные кисти
снегов,
где спрятан твой блеск...

***

Я обуздал тепло
долин новорожденных
и соль небес пролил
на тщету знаков солнца.
И завершив войну,
с сердечного погоста
я призрак приобрел
цветов,
румяных плотью..

***

Юной влагой по ильным трущобам,
молодой расплзаюсь водой
по ульям болотным.
Ранним солнцем в утреннем смоге,
растекаюсь первой звездой
по пещерам-дорогам...
Первый раз...
Первый раз...
Навсегда...
Первый раз...
Первый раз...
И не важно...

***

По лозе стекает август
Каплей теплоты дождливой.
Когда свет спустил свой парус,
Ветер распахнул свечу.

***

Эрекция гор
Изливает снежное семя
В кудрявое небо.

Вечный спор
Земли
И
Цитадели
Богов
Разнимают мудрые глыбы.

Видно
Лишь пьяное сердце
Свободы..

***

Переживи это.
Пропусти через себя.
А потом говори со мной,
о том, что это неважно.
И тогда я приму твой пассаж.
А доколе,
на диалекте, нанизанном
в голое слово,
я не услышу тебя.

***

Летаргический сон фонарей
разбавляет туманность созвездий.
Загадай желание,
скоро на нас упадет звезда
любовницы-ночи.

***

все расписано
красками алыми
по скрученным венам,
все расставлено
местами усталыми
на колени..
и лицо вдавлено
в пустоту окон,
глаза отравлены
соками
дикого крика..
все исчерпано
на корню..
люблю или не люблю,
чего гадать
в слепое пространство
вечера..

***

во мне ночь...дождь..
и все что, когда молчит город..
ко мне музыка сонных витрин
да водное соло..
плачь небес в темном помолке..
свежесть и запах свободы
в холодных устах.

***

...если сойти с ума,

то только от этих глаз...
...если сгореть дотла,
то только в этих руках...
...а если и жить, как все,
то только с нею во всех...
...смеяться солнцем
и пить благородное золото
вместе
на гранях полуденных сот...

***

...строки в ленты,
слова на нитки, буквы в швы,
из последней молитвы
сошью себе неба плащ
да укрою все, что дорого,
но вечно одномоментно,
да в душе бессрочно...
по точкам,
по запятым,
пройду острием светлого
в памяти гордой...

***

На мне отпечаток чьих-то незримых фраз,
на мне распяты чьих-то горячих рук,
я смотрю на огонь, и я чую сердцем
ее тайные тропы...

***

меня собрали из обломков
кораблекрушения,
меня изрезали на ленты
и распустили по ветру,
а я еще стою у кромки
и жду разрешения
всего безответного,
всего недопетого

***

Она смотрит на мир
Сквозь прозрачные стекла души,
Она питается верой
И знает о смысле любви,
Она готова дарить,
Но не всякий готов принять...
И она смотрит на мир
Сквозь прозрачное пламя неба,
И она знает любовь,
Но не всякий готов поверить
В магию полной луны.

***

Огненными псалмами
на языке
имя ее хранимо...

***

Легкая, как дуновение мягкого бриза,
Прилетай ко мне завтра...

В семь, там же...
Уже близко, уже тепло...

***

Лунное одиночество
испаряется в липкую ночь,
приходи сегодня
танцующим мотыльком души.

***

Когда тебе никто не поможет,
Ты становишься сильней,
Когда к тебе никто не придет,
Ты становишься свободней,
Когда тебе никто не должен,
Ты становишься богаче,
Так, что же ты плачешь
И ждешь
Своего врага.

***

Я застрял между сном и реальностью,
Я окрасился в подсознание
На полотнах больного города.
Обрезают друг другу крылья
Самобытное и банальное.
Издранная вселенная,
Колея изнасилованная
Переминанием
Изношенного сердца.

***

Мы смешали в тихую гавань все реки,
И забылись в отчаянье моря,
До прибоя тысяча лет,
Мы молчим в любви совершенством.

***

Листва дрожит струной,
Бессильным вдохновеньем,
Мелодией смиренной,
В ее объятьях
Судьба осеннего затмения

***

Рвать шаблоны, как требуху,
Гнать стереотипы поганым веником,
Будьте! И будете всем на слуху,
Не прахом лежалым, а плотью мысли,
Пусть трупы жуют учебники.

***

В храме поэзии
грезы да сны,
небесные мантры
венчают земным,
в храме поэзии
солнечный нимб
жалит сердца
коктейлем любви.

***

Простуженный вечер,
воскресная роскошь,
в глазах собаки теплая леность,
в рубеж календарный излитое слово
предвестием сентября.

***

Поздоровайся со своей тенью.
Обратная сторона тебя
Чернее самой беспроглядной ночи.
Посмотри во тьму,
Там живет второе «Я»,
Черная маска холода.
Туда приходит одинокое сердце.
Там собирают плоды тишины расколотой вселенной.
Там уходят, чтобы остаться.
Там теряют, чтобы обрести.
Там душа кровава, как утренняя заря,
Кровью всего живого и дышащего.
Поприветствуй свою тень,
Открой врата своего страха,
Обнаружь свои кошмары за черной маской,
Черной маской пустоты мироздания.

***

Дождь стеной,
Расплывшийся асфальт,
Мерцание неба.
Я задержусь.

***

Миллионы миллионов,
Каждый день,
Каждый час,
Каждый миг.
Движение жизни.
Кто я?
Зачем я?
Много ли тех,
Кто спросит?

***

Хочешь, я накормлю твоё тщеславие?
Хочешь, я скажу, насколько ты лучше меня?
Поверь мне и это действительно так.
Так слушай свою погребальную песню.

***

Не ищи во мне логику,
я разбил эту немощь по ветру,
я не крестики-нолики,
я безмерная, чистая клетка

Мопостихия

Месяц

Хризантемой янтарной вспорол горизонт осколок рассвета, налитый росой...

Задумка дерзкая – сладчайший из плодов. Конец пути – венец опустошенья.

Эскиз души – полей огонь цветущий и сень озер небесных вод.

Искусство голоса камня – Ворота Иштар, пирамида Луны, храмы Акрополя.

Первая четверть

Забудь свершения былые, и каждый день – с нуля, и каждый вечер – в прах.

Белым золотом пляшут звезды, рожь ночная дымится агатом...

Воспрятье свободы в рабстве у качества существованья.

Лес хрустальный, луг кубовый, свет карминный, мятный выдох...

Выпуклая луна

Криолиты гор, корундовый диск солнца, кипящий в лазурите моря, аметист горизонта – винно-желтый закат-ювелир.

Боль причиняет страданья, страдания чинят мудрость, мудрость стяжает боль.

Мою религию возносит седой дух океана и золотой пустыни пепел...

Ему северной ночи огни по пути, он аскет синих льдов, безпривязанный к летнему слогу.

Полнолуние

Глаза ее пронзают капилляры рек, и в волосах туманом лунным струится серебро...

Из фиалок и роз венок носит вечер в воздушной ладье ...

По щеке скользнул дождь, отозвавшись в сердце огненным опалом радуги, едким малахитом волн

Я смерть зову сестрою жизни и жизнь предсмертным ремеслом.

Выпуклая луна

Аквамаринный всплеск, жильная нить прибоя, кипарисы, оливы и кедры – память фантазии.

Миндальные дороги, берилловые взгорья, я вас искал повсюду, чтобы уснуть навек.

Пшеницу солнца перемелем в лимонных муку, чтобы испечь душе хлебов янтарных...

Не ищи справедливости в мире, но ищи справедливости в сердце.

Последняя четверть

Хлопок снега, умывший аллеи – бриллиантовый блеск стальных струн...

Поэзия приходит неспроста, сдирая огрубевший пласт сознания.

Лилией прикоснулся к светлой печали твоей, когда пробило вечность.

И собирал цветы Морфея легкой дымкой...

Месяц

Уходящий находит любовь возвращенья надеждой.

Дотла, дотла, ни капли мертвой тверди...

Меня питает холод, чтоб родилось тепло, жар сокровенный призрачных созвучий.

Принять короткий век, объять полночный круг и стать мерцаньем Слова.

Вариации

Твои шаги – седоголовый туман
над утренней тогой озерной,
млечный ноктюрн арфою трав.

Твои глаза – Леты вода,
настойка осеннего золота,
мускус июльских приправ.

Мои слова – тальк, кварц и циркон,
минералы с твоей глубины,
принявшие форму сердца.

Мои шаги – ночь-невесомость,
мои следы лишь видны
в твоём альбиновом блеске.

Раковистым изломом яшмы
твои... – мои... – твои... – мои...
перерождаются в наши...

Esquisse

Осыпал лаской солнечный прибой –
я знаю, это ты.
Укрылись в жемчуг лилии дорог –
мгновенье для двоих.
Оделся в бархат силуэт ночной –
я чувствую тебя.
Закат рубином льется на порог –
то шепот губ твоих.
Звенят созвездья золотом души –
услышь молитву ночи.
Шелк ландышей, плеск ветреных ручьев –
отдайся зною сердца.
Глаза надежны, родники свежи –
укройся пледом мая.
Опалом блещет радуга лугов –
без срока вместе.
От жажды рдеет молодой рассвет –
испей моей.
Стирает грани нежность теплых рук –

прикосновение – крик.
Симфонией разносится ответ –
всегда, всегда.
Хоралом раздаётся сердца стук –
срывайся в вихрь
молитв-баллад...

Дочь критского царя

Заря, росой весталки римской, вдохнула чистоту фиалки
на сажу ветхой ночи.
Я сон умыл прохладой ренессанса, открыл затоном взгляда горизонт.
Сегодня я рожден из лунной пыли и звездной чешуи
в шестом часу, когда поет
петух зарницей августа, когда в созвездье Льва Регул пророчит.
Меня искало сердце многих нимф, я отдан был одной из многих
растратой вдохновенной.
Меня бросало в жар и лед, в лен и базальт, на веру и на ересь.
Очередной рубец календаря, седая прядь души, щрам-время;
я втягиваю память – горный дым,
здесь можно отдохнуть от смерти и рожденья.
Заря, не нова, но с нуля, с обрыва, так свободней, неизбежней.
Земля близка, но небо еще ближе и свежей.
Я сон умыл ладонями реки, несущейся к надежде
найти огня, постели мятной, дня и ночи без войны
у близких (может дальних) рубежей
моей подружки-Ариадны.

Жизненный цикл бабочки

Бархат сферы, слепое блаженство,
предоткрытие пряности красок
цветов полевых, безмятежность
пути летних трав, солнцепляска
души, новорождающей
танго полета...

Перламутр колец в соке листьев,
монотонная страсть обрести
шелка плен, но пока –
изумрудная пристань,
грести и грести
сонностью мха
в направленье душистых
искробрызгующих крыльев лета...

Кукольный храм, утроба магии
легкой радужной песни,
что вот-вот сорвется ладом
воскресения плоти эфирной,
восхождение к сколу небесному
пьяного луга...

Открытие, восторг зари
и первый взмах поэзии,
сгорай душа в любви,
в надрыве струн, на лезвии
постели новобрачной,

ты скрипка естества, ты флейта роста,
бездна
новой жизни...

Ночь пьяным пьяна от гари

Ночь пьяным пьяна от гари,
Гари черной, вороной,
Август ветром душным лает,
Сонной шаркает листвою.
Плоть небес да звезд глазницы,
Лето заревом дымит,
Я хочу тебе присниться,
Я тебя хочу любить
Беспардонной тенью вора,
Вздохом варварским степей.
Даль твоя – твоя неволя,
Близость наша – дальность дней.
Ночь пьяным пьяна от гари,
Соки лунные, как сталь.
Август. Третье. Хмель печали.
Близость наша – твоя даль.

Вытекающий август

Сажу перед окном и пишу молчание, пока идет дождь.
Конец августа упивается прохладой после душного лета.
Требуха горизонта, вбирая памятью отголоски света
У солнечной воды, меркнет полуденной дрожью.
Вытекающий в осенний прибой август,
Ты прекрасен тоской прозрачного молчания,
Я хотел бы сесть на твое крыло и осмотреть твои печальные
Рощи, твои разведенные мосты, разведенные с радостью
Густых охапок лесных малахитов. Но ты радостен по-своему,
Предвестник золотоносных бурь, янтарных вихрей,
Ты мудр, ты прошел длинный путь и притих,
Чтобы вспыхнуть аллеями, стройными
От желтой влаги, аллеями мыслей прощания, цене
Любви, цене еще одной жизни
В теплом огне
Сентябрьских ливней.

Собираю я песни, как вина

Нервной краской заката,
Сединой исполинских вершин
Я развеян по миру.

Солнечной бурей пустыни,
Ленью болотных низин
Собираю я песни, как вина.

Заревом пенной волны,
Звездными льдинами ночи
Бродит моя красота.

Мы еще попоем,

Слышишь, как ветер пророчит,
Как по душе бьет верста.

Волчий оскал пьет луну,
Ночи застывшая глина,
Собираю я песни, как вина,
Только спеть ли мне их кому...

Пробуждение в осень

Смотри, утренний луч запутался
нитью лимонной в холсте занавесок.
Дыши, осень проснулась,
сочного леса огонь зарделся,
окрыленный теплом пробуждения
сентябрьских фраз. Вон,
небо идет на сближение
листопадом облачных крон.
А ты спишь, как младенец,
как снежная степь, как тумана
мирная поступь, а мельница
солнца все ярче, наглее, упрямей.
Спи, не бойся, я тебе расскажу,
что это утро, оно, так схоже с тобой,
нежностью подпоясано, в которой живут
трепет ручья и шепот травы полевой.
Спи и смотри во сне, как утренний
луч запутался в твоих волосах,
рассыпался звуками лютни,
коснулся меня, и я снова обрел
способность слышать дыхание сердца.

Прахом агатовых ветров

Пристегнуть ремни.
Ветер дует с Венеры.
Мандариновый вечер вдохнул в свое тело
любowników дионисийских закатов.
Плотские розы падают алым огнем наготы.
Ветер пляшет в медных палатах
сгустка небес.
Пой, золотая свирель пастуха Эроса,
заливайся, флейта гбнущей
солнечной диадемы,
ночные псы, смыкайте черные челюсти,
звезды, рассыпьте постелью.
Мы начинаем путь к истокам рождения
праздника.
Ева, мать грехопадения,
собирай в жемчуга-ожерелья
хороводы сердец..
А на утро, когда рассвет
разрежет темную ткань
раскаленным пурпурным клинком,
мы умрем
вместе с ночью,
мы осыпемся прахом агатовых ветров,
мы уснем

на ложе
насытившейся
вдохновеньем любви...

Архетип чувственности

Мистик, странник, экстатический любовник,
Воскрешенный, чтобы умереть,
Твое сердце – буйное вино,
Твое солнце – пламенный мотив,
Твоя поступь – Ариадны нить.

Легкость Моцарта бродит...

Легкость Моцарта бродит осенним ветром.
Рассвет. Омовение сердца эфиром лаванды.
Свежесть воды. Ночлег был приветлив.
Ночь серебром блаженного сада,

словно туманом, осела в росу.
Что нас прогонит из этого места,
где умирает время, где солнца звезду
крошат подсолнухом в тесто

алебастровых простыней. Протяни
руки в объятия невесомости,
сыграй со мной в дни
молодого Адама. Немного условностей,

и, все по-прежнему свято и светом
залито, светом глаз твоих, теплой грустью.
Легкость Моцарта бродит осенним ветром.
Я читаю с ресниц дрожание музыки.

На перепутье. Каприз

Свадебный марш листвы.
Венчаются – летняя дева и странник осенний.
Брачное ложе – сухие цветы,
усталое поле.
В изморозь глаз –
рек остывшие вены.
Соломенный нимб солнца
у изголовья.
Северо-западный ветер рядится
в фату молочных туманов.
Мы оставляем память, смеемся
над прошлым, греемся
первозданным,
первородным
грехом.
Нам снится,
что мы замираем
на перепутье вселенской любви,
в утробе
вечной души мира.
Слышишь, играет

струна горизонта в пыли
дорожной лиры,
и эта дорога ведет нас свободной
тропой забвенья
к осколкам зимы,
праху небес,
инею звездного края,
к страсти мертвой природы,
к совершенству фотографического
мгновения.
А пока, предваряет...
Вещий
свадебный марш листвы,
болотно-желтый обряд
да брачное ложе
осенне-летнего тления
вечера.
Я знаю, ты любишь его аромат...

Нашедший дыхание океана

Пока есть еще время,
пока не поздно,
храни, то, что в сердце
впивается жизнью.

Плыви по течению,
люби, как в последний...

Рви горизонтов призрачных прядь,
ребра ломай тождествам бледным.

Ночью разлейся
в дневную толпу,
чтоб звезд не проспаться.

Душа – как горячая рана,
война – как лечение,
тебе ли не знать,
оставивший пристань,
тебе ли не знать,
нашедший дыхание
океана.

Folklore. Ласковая

Эх, горячка-попынь безутешная,
А мне хочется жаром пряным
Целовать твои персты снежные,
Уста яблочные да румяные.
Эх, закваска июльская, рьяная,
Пылью желто-желтушной рассержена,
Синевою безводной отравлена,
А мне хочется пить твоих вежд
Влагу-реченьку, краску-радугу.

Лимит

Я начинаю последнюю главу своего странствия.
В гриве ветра путаются следы озябших ночей.
Дикое эхо моря плещется солью в груди.
Путник возвращается в дом, путник горных пространств,
Дитя рассвета, поборник холодных речей
Стальных романсов изумрудной волны.
Куда привело нас горе, куда привела нас гордость?
Вдали разбиваются грозы свободы, молнии бесприютности.
Тени шаркают попятам, тени струн, тени бродячих песен.
Куда привело нас наслаждение, куда привела нас молодость?
К праху надежд, к любви, к чувству
Огня, зажженного неизвестностью,
Отчаяньем, страданием, лаской и восторгом озябших ночей.
Протяни мне руку, дай вдохнуть твоих серебристых волос,
Моя белоснежная мечта, прибавь мне веса кроны солнечного затмения.
Мне принадлежит весь океан синеглазого неба, но я – ничей;
Мне кричат все паруса летних трав – но я – безголос;
Я начинаю последнюю главу своего пробуждения,
Пробуждения в сон поэзии ночи.

Эффект расстояния

отсутствием губ твоих,
твоих ладоней на плечах,
день тонет,
дрожит закатная свеча,
я грусть зову на чай...

Пары

***

Глубоководен хвои сон органом Баха
и воздух свеж, как у Сезанна цвет...

***

Ночное небо самородком серебра,
литьем чугунным заплелись аллеи...

***

Лиловой эмалью вечерние тропы,
вязь магматическая веста...

***

Магнолией цветущей облака –
парящий океан поэзии...

***

Эфиром цитруса и персиковым солнцем
мне дорог ты, осенний симфонизм...

***

Пряжей равнинной, эхом трезвучным
лета инерция сердце хранит...

Фламенко живописи

горы, лагуны,
пустынные места,
дрейфующие дюны,
плодородные равнины, луга и леса,
мягкая зима
и длинное, жаркое лето,
оливы, виноград, пшеница,
аисты, серые цапли, рыси,
все из-под рук художника
вытекает наитьем ветра
во фламенко живописи...

Колыбель музыки

Глиссандо листвы,
Адажио ночи,
Реквием солнца,
Тремоло созвездий,
Пассажи любви...

Дочь леса

Плетением ивы..
Мягкостью сибирского кедра..
Ароматом кипариса..
Легкостью ольхи..
Кровью осеннего клена..
Чистотою осины..
Глянцем рябины..
Тонкостью туи..
Приди ко мне,
Оплети, размягчи, очисти, освети,
Моя лесная подруга...

До генуэзца

Мне привиделись индейские танцы,
Мудрость вождя, экстатический шепот шамана,
Тучные стрелы охоты, багровые копья войны,
Тень леопарда, скользящая духами предков,
Стихии природного царства
В блеске кровавых жертв,
Золото солнца, льющего в календари
Неизбежность конца,
Майя, кечуа, инки, ацтеки,
Погребальные маски, базальты забытых руин
В серебряном свете резца
юного месяца...

Моси-оа-Тунья*

В облаках водяной пыли
под радужной аркой
я бросился в нежность травы.

(Моси-оа-Тунья* - туземное название водопада Виктория)

Уран 235

Нимфы обочины. Тени дневной невинности.
Ночь. Пьяный эфир променада.
Тяжкий мед.
Прикосновение к нестабильности.
Танец распада.

Безумство к лицу

Безумство к лицу,
Когда обитая на дне видишь поверхность.
Свет рассыпается в сердце.
Свет хватает твой взгляд, обрамляет слезу
Вечерней звезды и словно невесту
Ведет душу к течению неба,
Разлитого облачным хором заката.
Безумство находит,
То, что скрывала дневная пыль
И призрачный ветер,
Нежность, терпение, веру
(слитые воедино).
И я пою, как прежде, тебе
О доверии,
О дружбе воды и огня,
О солнце ночном,
Скованным тьмою,
Но в надежде открытом для
Перемен и Пути.
Безумство к лицу,
Если правильно смешивать краски,
Если тени еще ползут
И весну
Рассекают заточенным лезвием ласки
В изумрудах холмов,
В переплете лазури,
В отражении чьих-то каштановых глаз...

Убей меня тонко

Убей меня тонко,
Нежно, с аппетитом дикой волчицы.
Убей меня сладко,
С придыханием, с откровением девственной плоти.
Я закрою глаза,
Остановлю красную брошку сердца,
Я буду молиться
Как жертвенный ангел.
Сделай меня свободным,
Возьми в свои руки
Это больное дыхание,
Распоряжайся этой жизненной силой
Занесенным кинжалом
Милосердия.
Убей меня поцелуем,
Горячим, как лед,

Последним на этой земле.
Шелковым жалом
Любви,
Обнаженным танцем теней
Продли мою смерть...

Архаика. Праздник потерянной плоти

Грудь нараспашку клейкому ветру пустыни ночной.
Воздух свинцовый в горло залив, превращайся в бизона,
Волка, оленя, медведя, стены пещеры расписывай угольным духом,
Звезды вращай танцем теней. Глаза обманут, но сердце свечой
Опалит видения древних стихий. Там, за чертой, у самого дома
Священных огней, уже ждет прародитель слова и звука,
Странник ночной, знающий песню великой охоты
За счастьем. Дым от костров грузнеет на сводах,
Глянец камней в волосах скалится солнцем ночным,
Губы лоснятся медовыми сотами,
Праздник в разгаре, праздник лунного золота,
Праздник потерянной плоти дорогой беглой души.

Река ночи

Что может быть слаще
Поцелуя ночного ветра,
В твоём участии пьяного.
Что может быть громче,
Сердца сожженного светом
Летнего солнца
Твоих рук.
Напророчь мне -
Время без ожиданий,
Скажи мне -
Что скорым рассветом
Каждый день
Будет украшен тобою.
Издалека
Я опять теряю слова,
Опять сливаюсь с луной
И нескладно
Пою и играю на флейте весны,
Умываясь золотом твоей любви,
Близкой, как ночи река...

Старуха и собаки

В три погибели, с авоськой грязной,
костью черствой в пыльный плащ вживаясь,
бабья седина, ковыляет за деревни соком -
свежим молоком, копейку сторожа.
Хворостинкой держится за воздух,
причитает, жжет морщины слезами
утренней прохлады, а неподалеку
два ее волхва, овчарачьи дворняги
моложавые, ласкают руку бабе,
сухость поедая верным взглядом
да хвостами-вентиляторами вьют.

Ей бы и самой присмотр теплый
кто б поднес, она ж из подворотни
сердобольной, сорванною жилой
тянет улиц неумытые плоды.
И в глазах, как не было беды,
искривленным слухом
радуется лающему меху,
что надеждой жар дает рукам.
И они, не видят в ней старуху,
прах изъеденный, налет столетних троп,
они чуют мать, иль жоака,
она чувствует, что видят человека.

Медь, хрусталь, гранит и смола

Мглистая ночь напоминает
об одиночестве.
Медная лунность стегает
глаз занавески.
Ломоть озябшей души
искрит хрусталем.
Парус неба ведом
лимонным прищуром звезд.
Ветра жилы –
чернозернистыми почками.
Темень сознания ткется
гранитным блеском.
Ночь. Мы с тобой не
уснем,
пока хмельна крылатая тайна
цыганской души,
как виноградная гроздь.
Сон мой – мой грех,
пока освещается дном смоляным души нагота,
и закатного праха корона,
превращенная, как вода
в вино ночное
влюбленным шумерским магом,
собирается нежностью
на ладонях.

Археология

***

Аромат цветов – в венках волос влюбленных, в венках могил; вкус новой жизни и дух увядания

***

Ржавой луной припорошена ночь, собрано хищное олово звезд, агатовой сетью выловлен страх п

***

Янтарных колосьев жертва – медовый хлеб, как жертвенность плоти – любовь; сухое сено на ко

***

Облака, как слезы июньского тополя, солнце, как гроздь осенней рябины, дождь, как кисти п

***

Если хочешь кого-то удивить – начни с себя (непонимание не есть отрицание); если хочешь ко

***

Нежность луны, совершенство заката, чистота утра – для теплоты объятий.

***

Пробуждающийся, что ты видишь в отражении прозрачной росы, что ты чувствуешь, черпая ладонь

***

Июнь, гулять по крышам, запивать вечер ветром, воспламенить взгляд закатом, дыханием тишины

***

Тело любви. Как ветер струится влечение сердца к волнам солнечных прядей, к звездам полночи

***

Грех мира оправдывает существование дьявола, святость любви избранных утверждает о Боге, пр

***

И если писать, то кровью зари на срезе небесном, и если любить, то сердцем диким волною морской...

***

Сорвал голос сердца. Благородная тишина...

***

Грешники так истово требуют праведности, что след проваливается на дно преисподней...

***

Не отравиться собственным ядом гордыни, растянуть горизонт восприятия, признать силу собст

***

Нерв безмолвия, поцелуй меня в губы сухие, дай мне влаги ночной стихии, что луной изливается в озеро снов безмятежных, что паром молочным свисает с гроздьев мирны

***

Укутал берегом залив, но, лишь в холодной синей влаге мне, кажется, разжат кормой хрусталь

***

Каменной кладкой выложил свои дороги, прахом осыпались листья осени поздней, солнце прилипло инеем к плахе небесной, руки спустились плетью бездушной, взгляд смазан в глаз твоих опека, дланей твоих тепло, моя последняя строчка с папируса шелковой тени ночью

***

Город летней петлей. Судорогой души ползу по теплицам полей, собираю нектар прохлады лесно

***

Цвет ночной – цыганских глаз утроба, прорицание под сонной толщиной, мертвый храм сиреневы

***

...все вместимо в любовь...

Пыль весны. Из записных книжек

***

Каждая законченная книга – это символическая смерть ее автора.

***

После детства нова, только смерть.

***

Великий страх сподвижник великих дел.

***

Повесился на знаке вопроса...каждый день – это ад, каждый год – это крест. Поэзия учит боли.

***

Не в споре рождается истина; истина выше всяких споров.

***

Поэт, ты всегда вопреки...

***

Какая глубже, учитывай, что не у всех хорошее зрение.

***

Опьянение горячей плоти, падающее в бездну сжатого пространства, разрывающееся огнем дыхания.

***

Черный узел ночи, не разрешенные воском времени ожидания, зуд возбужденного воображения –

***

Знаете ли вы, что такое жить загнанным в тиски непослушного тела, оправленного рамками боли.

***

Чтобы выйти за границы игры, нужно нарушить правила, сделать единственным желанием – отсутствием.

***

Что может быть прекрасней полета птицы.

***

Абрикосовое солнце с раскаленной косточкой над Голубой мечетью. Призраки древних суфиев пр

***

Поэт работает всегда, поэт работает незримо.

***

Расставание способствует сближению; плачь – возбуждению; смерть – жизни; тьма – свету.

***

Когда два становятся одним, ночь сжимает черные ладони, холодом звезд обдает туман взгляда.

***

Мы забываем себя.

***

Для Ницше Бог умер, но не Ницше для Бога.

***

Она неуловимо полна, близка, напряжением света между темных аллей озвучена, выхвачена из п

***

Мое изношенное тело дает мне право на свободу.

***

Голод мудр.

***

Просветление от безысходности.

***

Тайна женщины необозрима, как глубина вселенной и с тем же, проста для того, кто хоть раз

***

Претерпеть и принять во благо.

***

Она вливается в ночь, как весенняя птица, она падает на золотой шелк и отдает себя целиком

***

Он ждал с нестерпимой мукой, когда ее дыхание вновь обрушится на его уста, когда ее сладка

***

Я видел небо, пьяное небо течения вечера, я видел воду, холодную воду диких источников, я

***

Прежде, чем воскреснуть – попробуй умереть.

***

Исследуя природу пограничных состояний, проникая во тьму, чтобы раздался свет, чтобы огонь

***

Жара нагнетает (майская соль по телу), духота разъедает (головокружение пыльной дороги), п

***

Глаза, горящие огнем, быстро исходят на пепел, пепел удобряет почву для огненных цветов.

***

Я слышал, что смерть – всего лишь возврат к себе, мне говорили, что память – вторая жизнь,

***

Обращаюсь в дым вечера, расстилаюсь постелью неба, нахожу вену весны, впрыскиваю сон экват

***

Конвульсией утра расправляется небесная люлька, жерло середины мая обдает дорожной пылью с

***

Одиночество полдня прекрасно, как сон у истоков радуги. Собираясь из праха родниковой моза

***

И танцевали они, как огненный змей и лунная птица, и подобием солнца светились глаза их, и

***

И мы собираем цветы полночных звезд и кладем их в корзины любви, быт и быть не одно и тоже

***

Живая вода памяти – горный ручей; дыши же, дыши мое слово, обращенное к смерти, к потери,

***

Свежий ветер Иранских нагорий и Палестинских пустынь, где пророки вещали о мире без сновид

***

Ледяная луна тает в ладони, звезды капают обжигающим воском под ноги, мы идем в продолжени

***

Распускающийся розой бутон солнца, роняет золотые лепестки на изумруды летнего луга. Конец

Где-то утерянное

Скажи мне,
Ведь все бесполезно, если нет сердца,

Способного слышать тебя, дышать тебе в такт,
Видеть такие же сны, быть привязанным к месту
Светлых, душистых полей утренних грез.
Ответь мне росой с холодной щеки, что это не так.
Где мы и что мы творим, пока нас разъедает ночная степь.
Откликнись на главный вопрос,
Он заключен в кристальных ручьях взглядов,
Ищущих...
Признание не всегда выражает того, что хотят сказать,
Но я говорю тебе, жди...

Тихая тайна

Розы в твоём саду стали ещё чище и слаще,
Как утренний ветерок в созвездии хвой.
Глаза снова полны нежности юных цветов луговых.
Ночью ты обретаешь загадочность звездного неба,
Искрящего серебром обручальным.
Днем ты восходишь теплом огненных колесниц.
Розы в твоём саду стали ещё стройней,
Как пение птиц в пору пробужденья весны.
Закрой мне уста ладонью, они будут безмолвно шептать,
О том, как песчаный берег, раскинув объятья,
Дарил нам прохладу реки.
Открой мне тайну владения этой природой,
Мудрой рассветной слезой прекрасного.

На разрыв. Повенчанный в танце

Я хочу быть больным свободой,
Обнаженным небом, потоком с гор,
Где бродяжья-дворняжья природа
Ощетинилась рыжим закатом,
Где чумазая лапа породы
Не замазала лакомством взор,
И на все разрешение Бога,
И на все откровение сердца.

Я хочу быть дикой дорогой,
Что скрывается тенью сосен,
И где птицы, словно невесты,
Повенчаны в танце ветра.

Я хочу быть сплошной вселенной,
Что оделась в ночь, что по лету
Расписалась созвездием теплых красок,
Костров и огней, поэм и легенд.

Я хочу быть всегда без масок,
Без слов, а лишь там, где момент
Окрылено хлопочет крыльями
Солнца. Где любовь длиннее, чем жизнь,
И где жизнь дает родникам новый шанс
Бить в пустыни, бить в бубен да в свист
Пускать свои песни...

Сентябрьский дождь

Я чувствую, как пропитанный инеем
сентябрьский дождь, в окнах твоей палаты
шепчет тебе, на желто-зеленом наречии осени,
о моем незримом присутствии. Синее
небо, обряженное туманом, как ты богато
на памяти чистую россыпь,

на тайную тягу, свитую кольцом из белого золота.
Все уходит и возвращается листопадом
прикосновений, янтарной улыбкой, ты помни..
Я чувствую, как пропитанный холодом
сентябрьский дождь, в окнах твоей палаты
танцует тебе, наш последний танец в холле

пустого зала, полного благоухания мяты
сердечной и теплого хмеля ладоней.

Маэстро Паганини, рвите струны

Маэстро Паганини, рвите струны,
вам хватит и одной.
Так и во мне,
хоть изничтожь все песни –
в изумрудной призме
весеннего навеса
останется на каплю аромата
дорожки лунной,
на святую розу кипящего заката,
на огонь морской.
Волной дрожит сердечная свеча,
прибоем разливается свобода,
я полон музыки
в гармонии природы,
и все мне песнь и все вселенский звук,
будь-то плеск луж или с плеча
листок случайно сбитый
осенним золотистым ветерком,
иль скрип древесный –
хриплый симфонизм,
все дышит всем, во всем душа открытий,
и каждый шепчет о своем,
но на одном, одном,
на языке живого благозвучья,
на языке живительном творца.
Маэстро Паганини, рвите, рвите..
Останется всегда росток созвучья
на бархате вселенского холста.

Многоточие

Оставь мне глоток холодной
январской любви,
я пламенным льдом наполню
хрустальный бокал,
я буду дрожать на ветру, как парусник,
брошенный в пьяное море,
я снегом, словно вином, согрею

сжатое сердце.
Войди метелью цветущей,
сядь со мной рядом,
возьми мою руку –
она еще дышит
конвульсией мертвого солнца,
но я оставляю себе надежду
на молчаливый исход
в бытие огненной плоти,
но я еще не поставил
кинжалом сочувствия точку,
я продолжаю смотреть на тебя,
как призрак черной зимы,
как многоточие облачной пыли.
Так продли мою жизнь глотком
холодной январской любви.

Underground

Протяжным криком петухов
Мне снова утро чешет ставни.
(Как эти связки не устали
Рвать трелью ткань эфирных снов)
Чтоб врезался рассвет стеною,
И закипел бродячий стан
Погони за слепой молвою
До пота с кровью тщетных ран,
Ран от побед и поражений
В делах, заботах ради дел –
Глухое царство упражнений,
Где каждый что-то не успел.

А мне даосское молчанье
Красноречивей всех баллад,
И этот крик, и этот смрад
Комедиантскою печалью
Сидит на сердце, жизни миг
Тут подается, как пародий
Накрытый стол и пир бесплодный,
Мираж, обман, жизнь для других
На сцене бледного театра,
Когда себя забыл актер –
Считать, читать раскраски-мантры,
Любить не женщину, а пол.

Aphrodite*

Твое дыхание,
как легкость листьев на ветру,
Благоуханье
лилий в волосах.
И все подчинено одно лишь цели –
затмить природы совершенство.
Душистые луга твоя постель,
и мягкие поля твой дом.
Спускает ночь со звездных лестниц
на плечи шаль тебе.
Плоды к ногам роняют

изумрудные сады.
И полноводный окоем
небес ждет алчно взгляда твоего.
Закат рубинами играет,
рассвет алмазами горит,
и все тебе доступно, все твое,
мой миф..

* - (фран.) Афродита

Осенний свет

Я странник, дикая тропа,
под кровлей звезд разлитый полем,
я жизнь отдал бездонной воли,
и вольный ветер мне судьба
среди рощ осенних, летних пастбищ,
среди зимних воплей вьюг хмельных,
мне горным эхом сердца крик
собрат, приятель и товарищ.
Ручьев алмазы, рек сапфиры
мой клад земной, бесценный дар,
закатов розовых пожар,
рассветов краснощеких лира,
все это рвется под крыло
свободой прочной и нетленной
и льется дерзостью в поэмы,
но среди свободы есть одно,
одно, о чем прибоем бьюсь,
свечой домашнего огня
вдали сгораю в такт печали,
все потому, что знаю я,
к тебе вернусь, всегда вернусь,
осенний свет мой, свет венчальный...

Ностальгия

Бессмертные песни древних пилигримов,
Вами полнятся кубки с алым вином жизни,
На вас покоится поэзия золотого солнца пустыни
И царственность полной луны степей.
Но я дышу воздухом трущоб, я разбиваюсь взглядом
О бетон и камень, дым и копоть.
Это не горный небесный дым облаков,
Это не равнинная багровая копоть вечернего горизонта,
Это не духовный камень шаманов у прозрачного озера.
Бессмертные песни древних пилигримов,
Ночное небо полнится вами,
Деревья и травы шумят вами,
Сок росы отражается в вас,
Память бьется ключом о вас,
Но я продолжаю дышать воздухом ржавых трущоб
Моего настоящего...

1-я сюита Баха

О цветах,

о весне,
о нежности
в гармонии юных влюбленных...
О море,
душе,
о процессии звезд
в созвучии непреходящей любви..

Триумвират поэзии, музыки и живописи

...в словах – как в натянутых струнах
ждет залпа свободы аккорд,
в линиях – музыки лунно-
звездной, ночной, прекрасная плоть,
в нотах – гармония строк,
звукотпись солнечной браги,
в слоге – красок поток,
излитых в пространство бумаги,
в бумаге – душа живого,
живого огнем, ветром, морем, закатом.
...круговоротом линии, ноты, слова,
слога, колера, лада
мир рождается снова,
вселенная дышит рядом.

Огонь-листопад

Ветер бьет по лицу.
Я пропащее сердце.
Ветер бьет по лицу.
Солнце режет глаза.
Мне ночная завеса –
Глоток чистоты.
Я меняю весну
На осенний туман,
Что стекает свинцом,
Это знаешь, лишь ты,
Моя нежность и боль,
Моя страсть и мой сон.
Ты близка, как всегда,
Как всегда даришь свет
Моей бледной тропе.
Дождь смывает следы,
Но я вижу твой след
За стеною воды
Своим сердцем пропащим,
Разодранным в клочья
Огня-листопада.
Это знаешь, лишь ты,
Как мне холодно ночью,
Когда со мной рядом,
Только лунного крема
Разводы и блики,
Только тени в окно.
И струится по венам
Любовь да молитва –
Что имя твое.

Солнце октября

Поет осенний лес,
Играет желтой краской, множит наготу,
И тишина небес
Спадает синью с проблеском дождя.
Дороги золотом цветут.
Норд ответит меня
К тебе.
Твой поцелуй так сладок,
Так печален,
Октябрьское солнце.
В последний раз тепла держать в ладонях,
И от луны бежать вдогонку
Рассвету, что до крови
Изрезал горизонт.
Бежать, держаться без оглядки.
И сердце греть тобой –
Псалом прощальный.

Послание великого грешника (отрывки)

Страдание и искушение за благо держи,
ибо ничто не дается даром, а всякое
от Господа исходит, всевидящим повелением Его,
дабы противостоять и укрепиться нам в Духе Его
пред лукавством мира сего, и через любовь живую
наполнить разум пламенем Истины праведной,
смирением благодетельным и одухотворенностью сердечной.

..... * *
Хлеб свой принимай с благодарностью
и дели со страждущим всяким,
дабы умножалась щедрость твоей души
в глазах Его, но не имей за сердцем
ложного помысла, ибо Господь всепроникающ
и всезнающ и отвратится от каждого,
кто пытается обрести расположение Царствия Его
стезей нечистого намерения.
Потому отдавай без сожаления,
ибо дающий с сердцем прозрачным
обретает вдвойне, а расстающийся с неискренним
изволением теряет и последнее.

..... *
Пот свой проливай с благодарностью и благоговением,
посему не ропщи на тяжесть водруженного бремени,
ибо тебе дается не сверх сил твоих,
но в меру веры твоей, о которой сведущ Господь
и которую силится Он приумножить,
испытывая сердце твое на стойкость
и мужество в начинании всяком.

..... *
Ищи свободы своей в Боге,
через присутствие Божественной любви
в природе бытия твоего, ибо законотворчество
человеческого разума происходит только
из слабости духа его перед свободой,
данной в благодати Господней,
оттого чинит оно условность всякую,

дабы оградить и пресечь волю праведную
и благоверную от дара Всевышнего в выборе,
отвечающем перед делами собственными
и сердцем своим.

.....
Не выказывай веры своей прилюдно
в одобрение чье-либо, ибо отношение твое
с Господом Богом есть дело интимного свойства,
не терпящее ушей и глаз приспешников
благодравия, из гордыни черпающего
одухотворенья себе, как и добродетель
явленная пусть остается незримой..

.....
Нет ничего благоднее уединения для человека
сердцем чистого и Божественной благодати
преисполненного, ибо озарено оно
всевидящей любовью..

.....
Только непосредственное переживание
природы Сущего, опыт личного
воссоединения индивидуальной души
с вселенной Мирового Духа, лишь оно
способствует открытию человеком
истинного созерцания великолепия
в благоговейном Божественном проявлении,
которое, подрывая всякий устой разума
и чувства, возносит логику смертного бытия
до уровня сияния бессметной Души Божественного
и утверждает в сердце истину
солнценосного преображения в Духе Святом.

.....
Оставь сердцем все, что приложимо
к довольству земному и правообладанию
накопительному, чтобы обрести свободу свою
в Боге, жизнь истинную в свете смерти
и состояние душе блаженной,
обогащенное не серебром иссушающим,
а присутствием полноводным благочестия

.....
...и нет мне прощенья,
лишь милостью Божьей и милосердием Его
уповаю в покаяние да надеждой кроткой
вселяю молитвы шепот в уста свои.

Ведь если б я знал. Эфирная плоть

Я научу тебя голоду, холоду, ночи без сна.
Я спою тебе песню забытых богом притонов.
В пустыне, где солнечный ветер ревет докрасна,
Ты снова откроешь жизнь холстом незнакомым,
На нем будут лики Рублева и сферы Дали,
На нем будут строки Антония и откровения Данте,
Но я не смогу научить тебя (даже, если захочешь) любви,
Ведь если б я знал, что это (дай мне хоть горсть вариантов),
Ведь если б я знал, зачем это, все потеряло б свой смысл
(так морем бредит душа, не ведая собственной шири),
И сердца лучи, обращенные в мертвую мысль,
Теряют свой свет, пропитавшись гарью и пылью.
Уж скоро рассвет и тепло, и руки нежности ждут,

Иди же туда, где сливаются боль, надежды, капризы,
Иди же туда, где тебя сокровенным найдут,
Пусть долей секунды, но долей, достойной всей жизни.

Проникающее мгновение

Усталостью бредит вечер.
Но ты открываешь вновь
Ворота заката ключом наслажденья.
Пусть завтра умрет,
И вечность
Творенья
Падет с твоих рук
Мне на плечи,
И вечность дыханья,
Того, что вокруг,
Обнимет нас розовым ветром.

Келья. Медитация

Меня обдаёт тишиной –
Грани пустого пространства в скелет души.
Снова с обочины, снова со дна
Утро врывается сединой. Позднее утро грешит

Дрожью голых деревьев в окне,
Серой дорогой, легкостью небытия впереди.
Грани пустого пространства во мне
Током пронизаны веры, надежды, любви.

Верить, ждать-переждать,
Вечер подарит преддверие ночи, таинство, мудрость ленную
Звездных крылатых вожатых.
Мне одиночество давит на грудь, шепчемся – я и оно –
Я и вселенная.

В доме горит огонь

Приходи.
Вечер спускается горной грядой темноты.
Флейтой осенней сквозняк пробирается в щели.
Хаос души – листопад. В черное тело луны
Мы бросаем надежду – я и ты –
Ты и я – наши холодные руки, наши глаза в
В отражениях луж серебристых.
Мы снова будем ходить под дождем, снова артисты
Пернатые станут нам петь и слеза
Неба алмазом скатится в твою ладонь.
Только не потеряй, только сердце свое береги.
Вечер спускается горной грядой темноты.
В доме горит огонь...

Черный ангел

Черный ангел трубит в трубу,
Черный ангел – ночь, черный ангел – осень.

Я опять куда-то иду,
Я опять страдаю вопросом –
Для чего беспросветная даль
Ты петлею въедаешься в шею,
Для чего, я сегодня, как встарь,
Душу красной наливкой грею
Из сочащихся ран да вина,
Из любви, потерявшей все силы.
Черный ангел, твоя труба
Мне осеннее золото в крылья
Занозила, вплела, кричит,
Я кричу вместе с этой стервой,
Но, а что-то вдали молчит,
Но, а что-то мается верой.
Черный ангел трубит закат,
Черный ангел – ночь – али осень.
Я опять иду невпопад
Я опять собираю росы,
Росы алые да румяные,
Росы ясные да по мне ли, брат,
Дни ли трезвые, дни ли пьяные,
Невпопад родной, невпопад.
Не молиться уже, не каяться,
Только рваться, как песнь тетивой,
Я хотел бы раньше состариться
Да звенеть седой головой,
Только молодость – страстью открытая,
Только твой заповедный взгляд.
Эх, судьба, ты тропа неумытая,
Эх, овраги да выцветший сад.
Эх надежда, сука бездонная,
Я срываю с тебя жемчуга.
Черный ангел – песня влюбленная,
Черный ангел – ты – это я...

Quotidie Eternity¹

1

Дождь и джаз. Осеннее уединение. Обветшала пыльца золотисто-ржавой листы. Конец октября.

2

Первые заморозки. Свежесть чувств. Холодный бриллиант воздуха, как отпущение грехов. Север

·

3

Ножницы жалюзи разрезают горький табачный дым полдня в геометрии окна. Фантазия Моцарта ра

4

Без ее света – тайгой задыхаться, без ее рук – Арктикой бредить. Кровь – как вода, движен

5

Нахмурился вечер, плжот фонари на влажный асфальт чахоточный блеск. Ткань мысли измята в м

6

Я возвращаюсь на берег хрустальной реки. Я наполняю сердце прозрачностью воздуха хвой. Зме

7

Апельсино-кофейная вибрация струн лесной талии. Сонный порошок ранней изморози под ногами.

8

Саксофон вечерней усталости. Монотонная скрипка будней. Теплый колер молитвы телеэфира. Д

9

Фонарные столбы на чешуе шоссе обреченно склонили стеклянные головы, бездушные светом в дн

- 1 - Quotidie Eternity (лат.) - повседневная вечность
- 2 - Partum a novus - delere veterem (лат.) - создавая новое - разрушаешь старое
- 3 - November propinquum (лат.) - близость ноября
- 4 - Autumnus ardet (лат.) - осень горит
- 5 - Inconveniens (лат.) - иррационализм
- 6 - Oblivio (лат.) - забвенье

Возьми на радость из моих ладоней*

Дай мне шанс списать с тебя
красоту снежных лилий,
золотистый дурман полевых цветов.
Дай мне повод надеяться,
верить и ждать.
Дай мне силы
пройти этот путь среди горящих костров
и танцев холодных теней.
Мы укроемся в бархат метели,
мы сведем все мосты и дороги
в созвездие наших сердец.
Ночь нежна.
Рассвет тих.
Ты проснешься от ласковой трели
попутных ручьев,
ты напьешься прозрачной воды
из ладоней моих,
а дождливый свинец
нас проводит в леса,
где есть время и место любить,
где в глазах изумрудные длани,
где бурлит весенний прибой.
Дай мне шанс списать с тебя
красоту хризантем и алых тюльпанов.
Дай мне повод склонить
к твоему подножию мир,
окрашенный вечной зарей.

*Название заимствовано из стихотворения О.Мандельштама

Рукав Оки

Рукав Оки пробился сквозь зеленый
густой массив, коктейлем синевы
и белой пены небо охраняло
кафе прибрежное и одинокий столик
на мраморе осеннего затишья.
Песок мертвел, чай остывал
в твоём стакане, обжигая пылевидный пластик.
Был берег пуст, безлюден и влюблен,
табачный дым листвою кружился,
мы все оставили во власти
безмятежного течения. Сон полдня

тенью хвойной разносился.
Рукав Оки тянулся к горизонту,
мы его мирно провожали взглядом и солнечное золото
над нами ленно лилось.
И будто было так всегда,
и будто холода
не предвещал сентябрьский контраст.

Жажда жизни

Под тоннами успокоительного
Держусь за ниточку жизни,
Смените рубашку смирительную
На песнь соловьиной отчизны,
И я вам еще прокаркаю
На блюде сочного поля,
Как бедная, старая алкала
Душа в голубом не покое
Небес, размахнуться бы крыльями,
Да стопы вдавить тропинками,
Эх, только б собраться с силами
Да слиться соками винными.

Белоствольная роща. Театрализация

Белоствольная роща берез, словно плесень
Дрожь листвы на рассветном ветру бросает в глаза.
Из тумана вскарабкалась солнца закваска, ночь треснула,
И аллеи расплылись крылатыми струями нот у виска.
Я вдыхаю всем телом раскат пробужденья – рождение нового дня,
До которого строил мосты, перевалы, рулетки вращал колесо –
Понапрасну иль нет, тому время двоякий судья,
Для прекрасного или дурного, там уж, как повезло-привезло.
Только сердце не врет, только сердце чует пшеничную сласть
Недопетой любви, недосказанных слов в тишине.
Я брожу по аллеям, как тень, толи радуга-жар, толь бескровных зимовок напасть,
Я дышу этим воздухом данности, что прилепился ко мне.
И рожден для любви, от любви упаду в сонный прах,
И нашедшейся светом, от света глаза потеряю.
Белоствольная роща, вкус росистой, помятой травы на губах,
Из тумана прицелилось солнце, а значит, я снова играю..
Играю в слова.

Пространство облачности

Трогательный легкий бриз –
твое пробуждение.
Ты тянешься к небу весенним цветком,
скользишь на цыпочках в ванну
(там твои родники),
возвращаешься и ложишься опять,
рядом,
будто июльский сад задышал
драгоценным узором рассвета.
Повернешься ко мне
ласковой ленью солнца,
посмотришь в глаза.

Руки спадут по теплому телу,
руки, с которых доносится запах
жасмина, лаванды и розы.
И мне не надо вина,
чтобы хмелем утешить сердце,
(ночью холодной больное)
и мне не надо другого утра,
взошедшего на росистый престол.

Твои патриции давно погребены

Твои патриции давно погребены
в руинах сладострастия.
Твои границы и щиты
разграблены огнем Востока.
И Пантеон безмолвной глыбой камня,
одинокое,
былую вспоминает негу жриц.
А Колизея пыльную арену,
где кровь плевалась хлебом,
зрелищем, корежит ветхость стен,
и молча бродят легионы мертвецов,
и эхо форумов скрепит в гнезде Плутона.
В медовый фартук мессалин зашиты,
разбавленные золотом и чернью,
триумфы, троны и престолы.
И только пот рабов,
все еще капает росой, все еще дышит.

Седые сны в садах из алебастра

Спокойна ширь, как сердце у святого,
Безветренна, пуста от белизны.
Лежат снега, молчит трава под слоем
Седого сна печальницы зимы.

Блажен, кто верует в сады из алебастра,
В алмазный воздух, в инея кристалл,
Там спит душа, душа весенней краски,
Там ждет огонь, полей янтарный жар.

Спокойна ширь, зализаны озера
В зеркальный лед, да срок продлен луны.
Меловые задумчивые горы
Под облаком молочной тишины.

В проеме дверей кто-то играет блюз

Однообразные формы,
Механические движения,
Разбавленные чечеткой октябрьского дождя.
Погружение в сон,
Как пробуждение.
Задернутые занавески
Привносят в полдень заповедь ночи.
Шорох шагов прогнившей листвы за окном.
Многостороннее одиночество

В односторонний
Проем мысли о бесполезности смыслов,
Фактов, слов, напряжений жилистых троп.
Календарная дробь
Осыпается сухостью чисел.
Больше никто не придет,
Чтобы развеять дождливый туман –
Скользкую саранчу в злаках души.
Город чугунным небом пришит
К холодной земле, к бинтам
На порезах улиц пустых.
Я читаю проповедь тусклых огней фонарей,
Что в вечер лимонного сока надавят.
Господи, твоя тишина превьше всего,
Что я понимаю, что я постиг.
В проеме дверей
Кто-то играет
Блюз.
Наверное, это один из твоих
Ангелов, что ночуют на крышах осенних домов...
Ветер стих.

Врубель. Одиночество

В душе твоей томятся
Пластикой титана,
Остроты линий, дикий символизм,
Эмоций порох, пепелища драматизм.
И дробный мир – орнамент,
И кристаллическая четкость,
И напряженность колорита,
Пульсация природы,
Демонический раскол,
Лилово-золотой космизм.
Наследник прерафаэлитов,
Возрождения, Шекспира, Гете,
Ты дух бунтующий, дух одинокий,
Во имя сумасшествия святого.

На осколках темноты

...расстояния, что нас сближают,
боль, что чистит нам сердца,
нежность временной потери,
меланхолия осенних,
розами скрепленных, верных
солнцу августа, скрижалей –
все вбирает лунный трон...
...ночь чиста, душа туманна,
спи спокойно, скоро рядом
будет и моя ладонь...

Движение в сторону сердца

Я жизнь прожил не понарошку
и черный ветер бездорожья
встречал оскалом

солнца в лоб.

Сердечные рассветы
и закаты,
любовь и ненависть,
подвалы и палаты –
все ко двору, когда есть веры жало.

Одни ушли, другие еще близко,
одни взлетели, кто-то уже низко,
меня же центром массы удержало
на стороне живого ремесла.

Взгляд нараспашку, пропади все даром,
но я живой, дышу, в душе, что жаром
протоптан путь бродячего певца.

Меня брани, гони, я только крепче
ударю ладом, ладаном сердечным,
лазурью нот в прокуренных устах.

Веди меня, слепая моя доля,
мне все с руки, когда есть чисто поле
рубашкой-мамкой на плечах
да Божий страх.

Душа пишет стихи от неволи

Душа пишет стихи от неволи,
Золотится в плоти сырой,
Ей бы парусом веять на море
Да катиться рожью по полю,
Только срок отписали иной.

И пока в цитадели болезной
Ее солнца сковали лучи,
Она звездной питается бездной
Да вгрызается поступью крестной
В землянику закатной свечи.

Она чтит всякий миг, что напомним
Ей родного приюта крыло,
На любовь листопадом исходит
Да метелью кружит полноводной
Слов-соцветий над тающим льдом.

Душа пишет стихи от неволи,
Переносит, как стоик, дань-жизнь,
Что платить обещалась природе.
Не забыла б себя и довольно,
Остальное смерть довершит.

Fac ferrum, fer spem*

Я хочу танцевать обнаженным
На крапиве твоих откровений,
Хей, судьбина, случайный прохожий,
Слышишь ль связок моих порох нервный.

Для любви не исчерпаны недра,
Эти недра – бездонные вина,
Я напьюсь хмелем тем и поверю,
Что пришел не из этого мира.
А оттуда, где бьют родниками
Музы сладкие, нежные в страсти,
А оттуда, где ветер руками
Я ловил и пускал восвояси.
Я хочу танцевать обнаженным
Под метелью свинцовой и плакать
Горной речкой, как новорожденный,
Плаваясь в солнца янтарную слякоть.

* – (лат.) Будь крепок духом и надейся

До ласточки зари

Как светом умывается берез
в июльский полдень память,
и как прозрачная волна
индиговой реки
незримой флейтой дышит,
ей невдомек разлука.

Упала шаль, то ночь и иней черный,
а сон далек, как и твои глаза,
в них отраженье не мое мерцает,
но солнце их зажжет воспоминанье.

Пока мы помним, нет для нас преград,
чтоб чистый голод сердца утолить,
и ночь пройти до ласточки зари.

Короткий метр

Бумага. Стол. Свет.
Душа, растекающаяся вечерним кремом.
Сон далек. Фонарный букет
Осыпается в окна люминесценцией ленной.
Смотрю волком. Вдыхаю чайкой.
На кухне любовь, уют и ужин.
Промокший асфальт – чешуя русалки.
Свет соседних окон кривится в душу.
А знаешь, в этом что-то найдется,
В этом что-то есть, еле слышное
Нашему уху. Тихо смеется
Душа, поглощенная черными крышами.
Бумага. Стол. Свет.
Осень, смотрящая в скважину двери.
Сон далек. В зале ее силуэт
Украшает фиалками складки постели.

.....
Раскрепощенное утро. Пепельница. Легкий завтрак.
Сегодня она уезжает, поезд настырно ждет.
Молочный туман небес провисает маской
Скорби и радости, пока еще здесь живет
Ее сладкий, наивный сон, вчерашняя тень под ресницами,
Вчерашняя ночь, укрытая в приглушенный свет.

Время дышит в затылок, холод искрится,
В окна стреляет нервом пустынный-рассвет.
Бледное утро дымится. Плеск сквозняка под ногами.
Воск тишины, разбавленный скрипом замков.
Перебираю четки, ветер ловлю губами,
Ветер ее объятий, ветер ее снов.

Обреченное время поэтов

Пенный бархат прибоя.
Блики кипящей луны на воде.
Шепот остывшей гальки.
Я иду по лозе берега моря,
Я читаю стихи сам себе,
Проедая взглядом смолистую даль.
Вкус беспечной прохлады и соли
Оседают на языке.
Я теряю себя в звездном поле,
Что засеяла южная ночь.
И душа виноградного лета
Бьется снежной чайкой в груди –
Обреченное время поэтов.

L'espoir*

***

Жемчуг небесный благословляет очаг.
Дом на камнях –
наша любовь.
Дом на песке –
наша разлука.

***

Искрится лунная вода
в ладонях ночи чуткой.
Оплачь мой путь росой.
Так воцарится твоя радость
о кающемся грешнике.

***

Изгиб ручья
рептилией овражной убегает.
Ты влаги зачерпни моей сердечной,
чтобы безжизненный воскрес,
а гибнувший нашелся.

* – (фран.) надежда

Конспект номер минус один

Я живу в доме.
Кто строил его, кто клал кирпич, кто мешал раствор?
Может быть руки
будущего убийцы?
Кто монтировал кровлю, проводку?
Может быть будущий вор?
Как мне теперь смотреть

на эти стены, двери, карнизы..
Налей-ка мне водки,
друг по несчастью, сосед,
я хочу забыться, зарыться, от мыслей
о том, что ты думаешь обо мне
в самом истинном свете
своих потаенных предположений.
Может быть за твоею улыбкой киснут
столетние щи зависти, злобы, наветов?
А я, вот сижу перед тобой,
изливаюсь весь солнцем блаженным,
да душу об терку твоих глаз
полощу вхолостую.
Я живу в доме... Да кто я такой,
чтобы жить здесь сейчас,
в эту минуту, в это мгновенье,
кто дал мне право дышать?
Боже, наверное, закономерно,
истинно, подлинно, все, эти стены,
двери, карнизы, кровать,
пропитанная порохом ночи,
таким порочным
в рассветной струе багреца..
Дождь из свинца,
ветер проточный,
желтуха-листва,
осень несется по нервам,
забирая небрежно оброненное
к грязным подошвам время.
А жизнь то одна...или как знать,
как верить...

Конспект номер минус два

Блики на льдине окна -
словно вечерние ангелы бьются в агонии фар.
Да что им здесь делать, ангелам,
детям небесных кремowych вотчин,
гарью позорить снежные крылья,
когда встал
пробкой сплошной городской разлив,
когда за ночью
следует ночь, еще темней
карьерным наростом
(немые погосты
и те поживей,
чем вешалки, стулья в мыли)
Да что им здесь делать,
а нет, все-таки, есть что,
и это что, найти, удержать, размножить бы..
Если бы верить, но веры -
кот наплакал, хлебные крошки
для тараканов на кухне.
Блики, огни -
словно вечерние ангелы множат
следы,
словно дают понять, что непрошенный
ты в этом шествии звуков
железных,

в этих стальных переулках.

Антигравитация

Наркоман:
На острие иглы небесные врата...

Проститутка:
Нет, в плоти лестница к подножью звезд эдема...

Алкоголик:
Вина огонь, вот истины тропа...

Серийный убийца:
Нет, лезвие ножа кровавым откровеньем...

Ангел:
На острие души и в плоти светлых волн,
В огне молитвы и на лезвии смиренья...

Наркоман, проститутка, алкоголик, серийный убийца (вместе):
Ты призрак врешь, пошел отсюда вон!

Ангел:
Вы больше призраки, чем я в бесплотной тени ...

Наркоман:
Я излечусь...

Проститутка:
Я брошу...

Алкоголик:
Бросим вместе...

Серийный убийца:
Я болен, нет вины моей на прахе...

Ангел:
О, обещания, обман, вы дети страха
Духовной пустоты, а не болезни.

Засечки

Жизнь, написанная черной кровью
по белому снегу,
которую не вырубил острый лезвием памяти,
которую не отбросил как старую
ненужную вещь,
твоя жизнь,
чего оно стоило,
это количество труда
общественно необходимого
для ее производства?

.....

Где он, Ад?

Где он, Рай?

Там, где личный твой опыт.

.....

Я боюсь слов,
пожертвованных бумаге,
мертвые знаки и символы,
иногда они говорят правду,
иногда они прорезают
ткань эфемерного
жизнью.

.....

Кто они,
эти маленькие ангелочки,
целующие плоть земли,
нераскрывшиеся куколки,
созерцатели сиюминутности,
свято верящие в безысходность,
кричащие нам с карнизов?
Они – наши дети.

Вероника

Вероника сидит на траве.
Вероника ловит солнечный мед
зеркальцем нежных ладоней.
Плеск ручья, шум листвы, песни цикад
веселят ее тонкий слух.
Она любит радужный берег утра
и пурпурный остров заката,
она верит, что тучи – это овечки,
которых пасут херувимы.
Она дышит красками летних цветов,
перламутровым морем лета.
Вероника слушает птиц и из снов
заплетает пророчества сказок.
Ее юное сердце – колодезь любви,
ее бархатный шепот – любовь.
Вероника – поэзия света.

Балкон. Рождественский штрих

разодранный разум
выносит наружу ночной кошмар.
московская плазма
обжигает сквозь самовар
труб заводских.

больное, непослушное тело.

рождественский штрих,
как шрам на лице.

играю в любовь неумело,
но яростно.

в твоей жалости,
перемешанной с лаской,
последний пунктир надежды.

теперь, когда сняты маски,

ты видела мою бледную дрожь,
я стараюсь прилежно
превратиться обратно в того,
кого ты еще ждешь
движеньем огня,
под черным куполом неба
в звездной пурге.

балкон, снежный ветер,
озябшие краски.
возвращайся скорее ко мне,
ко мне, кого полюбила
в золоте августа...

Грехопадение

Вселенная, мать,
ты ведь тоже рожденная
из погрешности Вечности
в стройном вакууме мироздания –
первородный грех космоса.

Наскальная живопись подъездов

Дождь в подворотне. Скрип старых качелей.
Я обретаю свое просветленье
В лужах на треснутой скорлупе
Асфальтовых лабиринтов.
На остановке людская молва.
Каждый прячет частицу счастья
За хмурым взглядом, за тусклым свеченьем
Глаз,
Отражаясь тенью в витринах,
Но тень промолчит о главном –
Истина ждет за углом.
Наскальная живопись подъездов,
Как поиск себя, свежая рана
Юности вечной.
Пусть и не к месту,
Но честно,
Пусть не о том,
Но с душой, от души,
Словно дождь в подворотне
Заговорил со мной
На язык чистой воды,
На языке свободы.

Алый уголь

Философия любви иррациональна,
если вообще есть какая-либо философия любви.
Любовь – это закупоренная в сосуде сердца
потенциальная
энергия, настроенный пульс струны,
играющей фламенко марта.
Вы когда-нибудь плыли над бездной,
окрыленные, лишь взглядом сторонним,

взвешенные, лишь юным месяцем губ?
Тогда вы не будете спорить,
что сумасшествие – это прекрасно,
что безысходность
дает право верить сильнее и упорней,
а опасность,
не так уж страшна,
как мысль одна, обладать
этим хрупким телом, возбуждавшим
алый уголь в груди.
Вывихнутые лианы рек
несут на райскую гильотину,
мой палач, мой нежный палач,
твое имя
столько лет
мешает спокойно уснуть,
врываясь без стука.
Слышен плач
ноябрьских ливней,
слышен звон колокольный
небес, меня ждут
твои руки...

Утренний дым да крик журавлиный

Монашествующий дух пустыни.
Вечер в плену смолянистой пещеры.
Дым от костра на вешие своды.
Ужин нехитрый. Снов паутина.
Что мне еще вам о жизни поведать,
когда во всем я исполнен природы
случая странники, хлеба дорожного,
нет мне пристанища, кроме могилы,
да и могилой своей изберу
пепел, развеянный с горного ложа,
снежного пика, где звезды лениво
заупокойную мне проплывают.
Скажете, грустно, но мне ли печаль
сердцем ловить, когда сердце мое –
утренний дым да крик журавлиный,
синяя глубь да черная даль.
Жизнь моя, смерть ли, теки соловьем,
ветер, дыши плетью в спину.

Отель "Данте Парадиз"

Новорожденным закатом в степной колее
свернулась киноплёнка магистрали.
Есть старый придорожный номер
на проветренном в пыль пустыре.
Остановимся там, на ночлег,
утолим жажду дневного южного солнца.
Ключ в замке.
Сквозняком усталости слетаем
в поэзию ветхих
стен очага-однодневки.
Вода уносит с полуоткрытых век
километры степных погостов,

оборванных проводов.
Пропитанный табаком и виски
номер
еще помнит
теплоту тысяч рук
беспечных влюбленных.
Ночь заплывает в расселины глаз.
Свет приглушен.
Аккордом призраков слетает занавес,
и мы
внутри
жемчужины прекрасной,
нас омывают потоки жарких Нильских вод,
костры из желтых лилий оста,
в раскрытом небе стаям мчащихся огней
альпийские созвездья
питают взгляд росистый,
шампанским брызжет сладкий воздух
лугов и рек.
Мы спим, но это нам не снится...

На Лорку

Сахарный вкус свободы
Пропах полыньей упрямой,
Теплый глоток вина
Разбавлен уксусом стен,
Поле видений застыло
Пыльной оконной лавой,
Где ты, мое вчера,
Что разметалось ветром,
Что поднималось из пепла
Пряной змеей дороги,
Где ты, мое сегодня,
Что оседает в лунность
Ржавым железом заката,
В грязь под ногтями неба...

Инициация

Закатное солнце
оплавало сосны.
Молодые монахи выходят на берег.

Нет прошлого,
нет будущего,
нет смерти.

Догорает хворост в костре.
Черной медузой
сползает ночной прибой.

Медитацией бриза
к луне на поклон.

Свет проникает под кожу.
Ум опускается в сердце.

Разбуди тишину.

Crystal*

Мокрый снег на мертвенном небе –
вкус увядших осенних даров.

Я
и бледная кровь
ноября,
побратимы, созвучны.
Непримечательно, ленно
сползает вечер, скребется ночь.

Я
и выцветший почерк
ноября,
влюблены, неразлучны.
Незаметно, тонко
город осыпали звезды
в хрустальный сад.

Осколок
осени поздней
выплакал вест.

Я
и брат мой,
ноябрь...

* – (лат.) хрустальное

Нота Востока

Роза увяла.
Веером аромата
Не дышать ей больше
В сторону
Зари.

Забвенья снега
Сном лилейным.
Пришел декабрь,
Развел костры
Холодных звезд.

Руки твои
Осыплются шелком,
Губы твои
Созреют радугой.
Снова цвести мне.

Распятница

К горлу подступает сладкой жижей
Грязный снег под молотом подошв.
Я тебя сегодня не увижу,
Зря ты нежность копишь, ласку вьешь.
Пусть тебя сегодня не узнаю
В плесени проулков и углов,
Мы с тобой два берега, два края,

Но река одна у нас – любовь.
Возвращенье неминуемо, как смерть.
Ночь благая. Ночь хромая. Гаснет свет.

Неомистицизм

Если есть, что сказать – молчи.
Дай себе шанс овладеть тишиной.
Сгори, как осень-свеча
И воском расплавься
В мраморном взгляде Будды.
Есть сотни причин,
Чтобы остаться
На глубине бесприютного
Звездного сна,
Наедине с дорогой
Ветра-отшельника,
Там, где душа
Принимает образ любви,
Там, где новый Адам
Пьет вино
Из уст Евы-природы.

Таяние расстояния

Остывший сор декабрьских ливней,
Обезоруженных лесов сквозняк.
Прости тоску мою.
На гематоме городской,
Среди дорог, фонарных бивней
Я потерял лицо твое,
О, нежность-солнце.
И вот стою в строю
Неровном, зыбком и звездой
Свинцово-одинокой
Бросаю дальний свет,
Алмазов россыпь,
Дальше битое стекло,
А дальше...дальше тьма,
Безлунье, хоровод фантомов.
Льдом руки припекло,
И инеем окна
Седая прядь украшена, бездомной
Кошкой муза лета по подвалам.
Но улыбнись, прошу, ручьем рассмейся,
Я короную тебя в алом
Ядре рассвета, на лилейных простынях,
Когда июль на сердце,
А там, на горизонте
Окостеневший бал и белый прах –
Но не помеха,
А лишь благословенье
К теплоте телесной,
А лишь жемчужина души
В сиреневых цветах.

Зимнее хокку

***

Белой пустыни
Волны
Качают декабрь.

•
***

Млечные струны
Зимних дорог.
Колодец замерз.

***

Бриллиантовый иней
Играет
Северным светом.

***

Взгляд мой –
Снежное ожерелье.
Сон благосклонен.

И маки плавилась душистым соком зорь

Я спал в тисках отлитых льдом озер,
И мне в большой метели снов приснилось,
Как маки плавилась душистым соком зорь,
И пеной облачной ладьи струились лилий.

Рядился лес журчаньем вещей хвой,
Плескалась трав душистая прохлада,
Играл огнем лазоревый пробор
Реки блудливой, горным водопадом

Луч отрывался от небесной печи,
Окатывая медом с молоком...
Проснулся я – дыхание твое
Легло туманом серебристым мне на плечи.

Сапфировые пятистишия

***

Привкус коньяка и табачного дыма в воздухе,
Плавное течение аккордов Led Zeppelin
Напоминают о сладости южной улыбки.
Великая женственность ночи
Приводит в движение душу.

***

Дорога, насыщенная минералами звезд.
Легкий этюд ручья.
Двужильные кедры,
Стройные пихты и древние сосны
Встречают гостеприимством гор.

***

Напои ночной водой усталого путника.
Обогрей ночным огнем усталого странника.
Он принес тебе музыку скрипок лесных,

Он принес пророчества духа морского.
Он пришел умереть у тебя на руках.

Тула-Москва

Хмель дороги –
шоколадно-белый порох под колесами зимы.
Двести километров, льда, сугробов,
созерцания равнинной тишины
до тебя, до танцев при свечах.
Драгоценные аллеи – гроздья серебра –
ищут след шагов твоих. В глазах –
надежды глянец, в сердце – пряный Вахх,
за дверью – розовая Эос – подождет –
московский блюз ночной
поет,
гудит,
расходится безбрежьем
дальних окон.
Лунный локон
в наготу груди,
огонь раскован,
намекая на
бессонницы истоки.
Пей губами нежность –
выдох-вдох
палитры васильковой.

Проба чистой любви

...И с волос ее льется золото,
И голос ее – ветер прибрежный,
И глаза ее – чистый хрусталь, губы – соты
Сладости спелой, груди – свежесть
Горного снега, кожа – сок земляники,
Руки – ласковых волн изумрудная нега.
Ее имя живет среди лугов огнеликих,
В травах мятных, в душистых побегах
Вечного солнца ночи...
Ее знаки в жемчужных подвесках созвездий
Обретают пророчеств
Влагу живую и пламенный блеск
Люби... Ее место –
По правую руку Венеры,
Ее вера –
Презренье табу,
Ее мера –
Свободой слепа и неверна
Границам и водоразделам...

Под диктовку Селены

Вязкая ночь наводнила клетки усталого города.
Бухта луны принимает холодные песнопенья теней.
Кто ты – свой или чужой? Подай-ка дрожащий голос,
взгляни в самое жерло темной кузницы снов.
Вот на мертвой дороге смуглый туман обретает черты

старца седого, пустытника в вечной молитве,
вот нагота жрицы пленяет ум мудрецов,
вот копые ангела, рвущее брюхо дракону –
фантазия беспредельно лукава, игра – достойна любви
и смерти, инвалидное кресло рассудка
сброшено в пьяное море созвездий.
Не бойся искать того – чего нет,
звезда Изида тебя приведет к зачатию новых песен..

Делириум

У меня есть четыре стены, вариации
мыслей из мятой желтой газетной бумаги,
модель поведения к каждому шороху, куча абстракций
и абстиненций. И все это есть, и все это надо

учесть, когда утро раздует угли и потащит
тело в обойму общего хода времени,
где часов гильотина, не зная пощады, накапает в вену
кислый раствор из подачек скромного счастья.

За мной оседает дымка души, грозящая смертью
и адским борщом на закуску, за мной разливается море
ошибок и проб, январской тоски и слабости летней.
И что же, кому в этом толк, если не мне? Но мне, уж позвольте

безмолвию вставить ремарку. Невысказанное – пленяет.
У меня есть голод, есть слух, а значит, есть музыка,
трубный хрусталь дождя, песнопение грустной
рдяной сердечной мышцы. Мне подыграет

свет, разъедающей взгляд, холод, режущий руки,
зимний восход солнца бледно-кровавой фреской.
Кредо мое – созерцанье – стрелы в натянутом луке,
взгляд мой – черная ночь, черный прокуренный блеск.

Отдохновение

Восприятие из первоисточника.
Чистое созерцание.
Я наблюдаю за невесомым движением образов
В плоскости снежных гор.
Бесприютный странник
Обретает покой –
Колыбель грозного молчания.
На ресницах алмазные капли дождя –
Осенние слезы,
В ладонях пыльца весны
И прогретый воздух, –
Природа приносит импульс дыхания
Роз, лилий, кедров, маков –
Вещественность без вещей.
"Я" забывает себя,
И это незнание –
Величайшая истина, благо,
Открытые окна в душном подвале
Времени Ч.

Пролонгация

Смертельный поцелуй льда,
Стекланный взгляд предновогодних окон,
Словно ожившие дневники Кафки.
Я прощаюсь со старым другом, со старым домом.
Напряженная кристаллическая решетка
Слов, смыслов, догадок
Гнется под тяжестью дороги.
Ветер болтается плеткой
На обожженных пустыней щеках.
Декабрьской злостью с порога
Кричу новому дню –
Будь ты проклят, благословляю.
Что меня ждет? Не важно –
Если есть, кому ждать.
Наугад движение
По разбросанным листьям.
Что меня ждет? Не знаю –
Если бы знал, все равно не сыграл бы
На опережение.
Так честнее, Господи, перед Тобой, воистину.

Journal. Январь

Песнь сладострастия носится в снежных помехах.
Ломится сердце от меда капризов и хлопка желаний.
Тени предчувствий пронзают облачный воздух.
Хочется верить, что это – не беглый талант.
Радость вина золотого и не до смеха,
Пояс зари на строфу и не до признаний,
Взгляд, постигающий нежность, и не до вопросов.
Даром контраста и антитезы нежность рвет взгляд.
Я – это месиво, сплав, каламбур, мозаичные стекла,
Ты – это мягкая линия рек, плавность равнины,
Мы повстречались, чтоб грани искрились на солнце,
Мы сговорились любить этот блеск рукотворный.
Выгляни, голубь почтовый просится в окна,
Вестью снежной дымится январь и рдяные долины
Сердца цветут музыкальностью места,
Места, где шаг ли, другой – все чистое поле.

Fly Caesar Poems (стихи Мухи Цезарева)

secundo lapsus

Я выкидываю города – воробей,
Божья тварь на содержаньи подачек
С мусорных пастбищ.
Это мой город, это мой хлеб,
Не надо давить из себя милосердия
Ватную мину. Вам мой сосед,
Дранный кошками голубь, расскажет,
Что нет ничего слаще свободы
Сдохнуть, где хочешь, без пышных венков,
Без траурных слез, растворится в природе
Вечного

Щебня и гравия, стали с бетоном.
Это мой город, это мой кров,
Крошки цедить среди окурков овражных
Мне завещала многоэтажная
Его весна.
Славься, Отечество!

tertio lapsus

Девочка, сладкая молодость,
На распродажи ночного греха.
Вздернутый носик приправлен соблазном
Легкого серебра.
Лишь стоит закрыть ненадолго глаза,
И дать, что хотят эти потные руки
В тонированных каретах.
Люминесценция губ на обочине.
Порванные колготки.
Валя здесь уже Виолетта,
А Виолетте ночью
Все можно,
Все ветрено
В любую погоду.
Такая работа-бабочка.

lapsus quartum

В кране нет воды, в коридоре света,
В окнах прописались сором сквозняки,
Потолок укатан бляшками разводов,
Я вдыхаю пыли мятную струю.
Мать моя, хрущевка – вечное застолье,
Стирка да уборка, старый календарь.
Мишурой молочной паутины соты,
Стены одичалые – дам не пригласить.
Головная боль ЖКХ реформы,
Ветхое жильё – осень золотая.

VIII lapsus

...что кесарево – кесарю.
Мой подиум – диван,
С него мне видно далеко:
Лохматой головы похмелье –
Туман румяный,
Заплетуха речка,
Обвисшие коленки на трико –
Холмы-бурьяны,
Горб рассветной трели.
Такая, брат, натура, естество.

XII lapsus

Раскатом мысли еле слышной
Плюю на левых и на правых,
На демократов, коммунистов,

Центристов,
Радикалов буйных,
На вертикали власть имущих,
Горизонали, призмы, точки...
Мне как-то ближе Лобачевский.
Я голосую за достаток
От мишуры в моем мозгу.
Я партии запрос прекрасный
Убил в себе политкорректно.
Сей безответственный поступок
Под рамку и в отхожем месте
Пришил на гвоздик заржавелый.
Не обессудь, страна, с приветом,
На все с высокой колокольни...
Мой долг гражданский – до аванса
Прожить с просроченным кефиром.

XIII lapsus

Дожив до современных лет,
Я захотел вдруг кануть в Лету.
Как говорил один поэт...
Ах, нет, ну это не про это,
А может статья и про то,
Какая разница, не важно...
Бери свой зонт, портфель, пальто
И хорони себя отважно
В молчании гранитных лат,
В неведение и тьме землистой.
Язык твой – враг твой, супостат,
Известно каждому чекисту...
А с мертвеца и спроса нет,
Он лыка отродясь не вяжет,
Как говорил один поэт...
Какая разница, не важно.

XIX lapsus

Отчего мне сегодня не спится,
Отчего мне так давит на грудь.
На балкон выхожу похмелиться
Черноокой цыганской наливкой
Ночи летней. Лунная ртуть
На асфальте сыром, ветра дурость,
Философствовать только с руки,
Где ты, сволочь, великая мудрость,
Что скопилась в оргии дня?
Тишина, не видать не...
Тишина, так увесиста, тяжка,
Хоть кричи на разрыв во все горло.
На глазах пломбы звездные, сажа,
Что сцедил полуночник суровый,
Воздух, черной листвою заряженный.
Промурлычут крыши убогие,
Да подвалы потянутся бражные.
Валерьяны сейчас бы коту.

xix lapsu primi

Прорастая в чугу́н старой ванны,
Совокупляю́сь с лимонной водой.
Погружаю́сь в легкость нирваны
Теплым обмороком, талой кожей.
И обмякшее тело плывет
В направлении дымчатых перстней
Сигареты. Потное зеркало,
Сюрреалиста месиво,
Рихтует стен шелуху
В отраженье.
Грецким орехом
Колется в солнца оргазм
Лампочка Ильича.
Эх, горяча,
Забориста муза водоснабженья,
Посейдонову мать.